

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2016, Том 4, номер 1 (январь - февраль) <http://mir-nauki.com/vol4-1.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/12PSMN116.pdf>

Статья опубликована 09.02.2016.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Выгинная Е.А. Я-нарратив как отражение отношения человека к субъективному миру в представлениях социально благополучных и наркозависимых респондентов // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/12PSMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.95

Выгинная Елизавета Андреевна

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Филиал в г. Волгоград, Россия, Волгогра
Преподаватель кафедры «Психологии»
Аспирант
E-mail: e.vyginnaya@gmail.com

Я-нарратив как отражение отношения человека к субъективному миру в представлениях социально благополучных и наркозависимых респондентов

Аннотация. В статье обсуждается проблема способов научного исследования психологической реальности человека. Поиск метода предполагает обращение к исходному отношению и противоречию, в котором представлено исключительно человеческое проявление психики. Рассматривается понятие субъекта как способ существования человека в «фокусе рефлексии». Выдвигается тезис о возможности выявления единицы анализа личности как отношения «Человек – Мир». Рассматривается соотношение этих понятий в теориях А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой. Представлены результаты сравнительного исследования субъективной реальности и отношения к ней респондентов, ведущих «условно здоровый» образ жизни, и респондентов с химической зависимостью. В качестве методической основы была выбрана техника «культурной провокации», которая конкретизируется в данной работе в написании и анализе Я-нарративов. Разрешающие возможности нарративной техники проиллюстрированы полученными результатами. Семантика текстов, представленных респондентами, оказалась различной не только по присутствию или отсутствию в них наркотической темы как таковой, но и по общей структуре, выражающей отношение «Человек – Мир».

Ключевые слова: Я-нарратив; субъективный мир; наркозависимые; личность; субъект; культурная провокация; психологическое время; хронотоп

Психологическая реальность человеческой жизни определяется множеством противоречивых обстоятельств. Значительная часть этих обстоятельств и соответствующих им форм переживания и поведения осмыслена современной психологией. Но множественность порождает эклектику и делает проблематичной саму научность подхода, ведь в науке не предполагается констатировать только лишь множественность и случайность исследуемого предмета, напротив, необходимо представить его самотождественность и закономерность его изменений.

Полагание предмета, в котором было бы представлено как общее родовое, так и индивидуальное, как определенно устойчивое в психологической организации человека, так и развивающееся – предельная задача научной психологии. Диалектическая (генетическая) логика предписывает обратиться к поиску исходного отношения, того исходного противоречия, в котором представлено исключительно человеческое проявление психики, дающее начало человеческому пути развития в «психосфере» (в понимании этого термина А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским [23]).

«Основное противоречие, являющееся движущей силой развития, – говорит В.С. Лазарев в докладе, посвященном памяти В.В. Давыдова, – нужно искать в **способе полагания человеком себя в действительности или иначе – способе производства себя** (выделение и разрядка по цитируемому изданию. – *Е.В.*)» [13, с. 55]. В европейской философской традиции такое конституирующее основание именовалось как «мыслящая воля» и определяло возможность и реальность существования человека в качестве субъекта.

Философско-психологический анализ категории субъекта, на который мы во многом опираемся, проведен в ряде работ И.В. Жулановой и А.М. Медведева [9, 10, 11]. Для нас принципиально важен вывод авторов о том, что субъект – категория не синонимичная понятиям «индивид», «личность» или «человек», что это не атрибутивная характеристика персоны, а способ ее существования. Способ же этот состоит в том, чтобы выводить «в фокус рефлексии» другие способы существования, строить их и перестраивать, т.е. это «действие с действием». (Авторы указывают, что авторство этой формулы принадлежит Б.Д. Эльконину).

Сам способ «полагания себя» историчен и социально обусловлен, что требует его прояснения каждый раз применительно к конкретным социокультурным условиям жизни. Так сегодня распространение утилитарного, рыночного мировоззрения на сферу отношений «человек – человек» находит свое выражение в том, что и человеческие качества представляются в виде набора свойств, определяющих цену на рынке труда. Это находит свое отражение в формах так называемого «резюме». Самопрезентация человека в форме перечня «полезных» качеств приводит к декомпозиции личности, когда не возникает задачи построения общего смыслового радикала, интегрирующего представление о себе и своей жизни в целом. Кроме утверждения собственной «полезности» в настоящее время существуют и формы манифестации «бесполезности» – различных способов эскапизма.

В современной психологии представлено множество подходов и техник, предназначенных для исследования человеческих качеств. При этом часто затруднительно определить, к какой именно человеческой реальности они относятся, если учитывать, что человек определяется как индивид, как индивидуальность, как субъект и как личность. Существуют подходы, которые определяют личность именно через черты, в них личность человека предстает как ансамбль черт – это теории черт и факторные теории личности, сводящие личность к набору априорно выделенных «элементов». «Феноменологическая тенденция в изучении личности ограничивается перечислением, различных черт, типов высшей нервной деятельности, склонностей, переживаний, способностей и мотивов, отличающих одного человека от другого, – пишет об этих теориях А.Г. Асмолов. – Такие представители разных направлений дифференциальной психологии, как Р. Кэттел, Н. Айзенк и Дж. Гилфорд, словно включались в игру “А кто больше?”, создавая списки “описательных переменных”, “факторов”, “параметров” личности, в которые на равных правах входят циклотимия, богеменность, практичность, конформность, эмоциональность, общительность, серьезность и т.д. до 171 “описательной переменной” (Р. Кэттел)» [3, с. 30]. Для большинства зарубежных теорий понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» синонимичны, точнее, соединены в области знания, именуемой персонологией (personology).

Но черты личности – это еще не личность как системное качество человека. Сошлемся на строки научных дневников Д.Б. Эльконина: «18.1.1967. Закономерности формирования черт личности не есть закономерности развития личности. Это просто разные вещи» [32, с. 483]. Различение этих «разных вещей», к сожалению, не вполне четко проводится в психологических исследованиях. Нет четких обоснований, развитие «чего» или «кого» представлено в классических периодизациях.

По словам В.С. Лазарева «... полагается, что существуют различия между развитием человека как индивида, как субъекта и как личности...

<...>

Развиваясь как субъект деятельности, человек становится все более универсальным, а значит – более свободным в выборе целей и способов их достижения, Наивысших ступеней свободы он достигает, когда ценностью для него становится саморазвитие и развитие мира. Он оказывается способным рефлексивно относиться к своей деятельности и выходить за ее границы» [13, с. 47 – 49].

Примечательно, что ведущая мотивация у человека может сочетаться с различными мотивировками, обеспечивающими социализацию, автономию и психологическую защиту. Поэтому субъектность проявляется чаще интенционально – в определенных отношениях, которые человек переживает [5] как свои, в отличие от других, которые человек строит формально («как у людей»). При этом общим мотивационно-смысловым радикалом может субъектно-личностная ориентация, а может – утилитарно вещная. «В реальности, – пишет И.В. Жуланова, – один и тот же человек может сочетать обе позиции, отдавая приоритет одной из них, выбирая либо субъектно-личностную ориентацию, либо вещно-утилитарную, либо самоутверждение и развитие, либо социально детерминированное функционирование» [9, с. 24].

Можно предположить, что единицей анализа личности могло бы быть отношение «Человек – Мир». Т.е. не человек в бесконечности его индивидуально своеобразных проявлений (черт) и не его мир, как он представлен в виде «неорганического тела человека» (К. Маркс, Э. Ильенков), а именно это **отношение**, причем отношение **развивающееся**. Согласно Э.В. Ильенкову та инстанция в общей системной организации человека, которая именуется личностью, «обречена на развитие».

«... Личность не только *возникает*, но и *сохраняет* (курсив по цитируемому изданию. – *Е.В.*) себя лишь в постоянном расширении своей активности, – пишет Э.В. Ильенков, – в расширении сферы своих взаимоотношений с другими людьми и вещами, эти отношения опосредствующими. Там же, где однажды найденные, однажды завоеванные, однажды достигнутые способы жизнедеятельности начинают превращаться в очередные штампы-стереотипы, в непререкаемые и догматически зафиксированные мертвые каноны, личность умирает заживо: незаметно для себя она тоже превращается медленно или быстро в набор таких шаблонов, лишь слегка варьируемых в незначительных деталях. И тогда она, рано или поздно, перестает интересоваться и волновать другого человека, всех других людей, превращаясь в нечто повторяющееся и привычное, в нечто обычное, а в конце концов и в нечто надоевшее, в нечто для другого человека безразличное, в безличное – в живой труп. Психическая (личностная) смерть нередко наступает в силу этого гораздо раньше физической кончины человека, а бывшая личность, сделавшаяся неподвижной мумией, может принести людям горя даже больше чем его натуральная смерть» [12, с. 357].

«Человек – Мир» в теории А.Н. Леонтьева

Анализируя перцептивную психику – стадию, на которой находятся как высшие животные, так и человек, – А.Н. Леонтьев представил это отношение в терминологии размерности, в терминологии измерений субъективного мира. «Животные, человек живут в предметном мире, – пишет А.Н. Леонтьев, – который с самого начала выступает как четырехмерный: трехмерное пространство и время (движение)... Обращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о *пятом квазиизмерении* (курсив по цитируемому изданию. – Е.В.), в котором открывается человеку объективный мир. Это – *смысловое поле, система значений*» [14, с. 252 – 253]. И далее, определяя функцию значений, А.Н. Леонтьев пишет: «Значения... несут в себе особую мерность. Это мерность *внутрисистемных связей объективного предметного мира. Она и есть пятое квазиизмерение его* (курсив по цитируемому изданию. – Е.В.)!» [там же, с. 254].

«У человека *мир приобретает в образе пятое квазиизмерение*, – уточняет далее А.Н. Леонтьев. – Оно ни в коем случае не есть субъективно приписываемое миру! Это переход через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру. Предметный мир выступает в значении, т.е. картина мира наполняется значениями... В картину мира входят невидимые свойства предметов: а) амодальные – открываемые промышленностью, экспериментом, мышлением; б) “сверхчувственные” – функциональные свойства, качества, такие как “стоимость”, которые в субстрате объекта не содержатся. Они-то и представлены в значениях!» [14, с. 260 – 261]. Это понимание человеческого предметного мира согласуется с известным высказыванием Д.Б. Эльконина: «... На предмете не написан человеческий способ его употребления. Он известен только обществу, т.е. человеку как носителю способа» [32, с. 502]. Оно же согласуется с представлениями С.Л. Рубинштейна о том, что с появлением человека мир обретает новое качество – быть представленным сознанию, через человека мир осознает самого себя.

Мир, в котором живет и действует человек можно, вслед за П.Г. Нежновым [21] и традицией Л.С. Выготского [7], определить как «культурную натуральность» (термин П.Г. Нежнова). Это «культурное естество», среди которого и посредством которого человек преобразует окружающую действительность и себя самого. Культурная натуральность содержит все пять измерений: три пространственных, четвертое временное и пятое – область человеческих значений, посредством которых человек строит, преобразует и осмысливает четыре первых измерения и представленный в них предметный мир. Соединение, синтез всех составляющих – пространства, времени и смысла – образует то, что А.М. Медведев и П.Г. Нежнов [17] определяют как *смысловой образ ситуации* – психологический функциональный орган, позволяющий человеку понимать свои ресурсы, ограничения и возможности планирования своих действий, исходя из субъективных намерений и определенных объективных обстоятельств.

«Человек – Мир» в теории С.Л. Рубинштейна

«...Человек обретает всю полноту своего бытия и выявляется во всех своих человеческих качествах по мере того, как он выступает по отношению ко всем сторонам бытия, жизни, – пишет С.Л. Рубинштейн. – Это есть определение параметров человеческого бытия, по которым определяется уровень человеческой жизни. По этим параметрам, в которых человек определяется по своим потенциям и объективному составу этих качеств, измеряются масштабы человеческой личности. Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, непричастный к игре ее стихийных сил, не способен соотнести себя с ними, перед лицом этих сил найти свое мнение и утверждать свое человеческое достоинство – это жалкий маленький человек... Правильное отношение к бытию, к Вселенной – это то, что формирует

человека большого плана, образует возвышенное, героическое начало в жизни человека. Такое отношение противостоит ограниченности человека способного заниматься только своими «домашними» делами» [24, с. 377].

Для С.Л. Рубинштейна было принципиально важным в различении человека как личности и «маленького человека» показать принципиальную разницу в строении хронотопа субъективного мира. Для личности границы мира равны границам его понимания Вселенной, а временная составляющая хронотопа характеризуется такой особенностью как транспектива. Транспектива означает, что субъективное время личности (то, что К. Левин и Ж. Нюттен определяли как временную перспективу) во-первых, содержит циклические переходы «прошлое – настоящее – будущее – прошлое», во-вторых, трансцендирует за границы существования человека как биологического индивида. Цикличность означает рефлексии прошлого опыта в свете грядущих событий, равно как и проектирование будущего в опоре на осознанный опыт. Трансцендирование предполагает отношение к своей жизни и оценке поступков как некоему «срочному обязательству», которое должно быть исполнено ввиду невозможности исправления последствий за границами земного существования. При этом последствия, выходящие за эти границы, предполагаются и взвешиваются.

Отношение человека к жизни в теории К.А. Абульхановой

В отношении человека к своей жизни как предмету построения, осмысления и преобразования содержится наиболее развитое, конкретное проявление его субъектности. Именно это отношение стало предметом исследования в работах К.А. Абульхановой-Славской. Именно эта сторона – способность относиться к собственной жизни и строить в этом отношении авторство, – по мнению К.А. Абульхановой-Славской, представляет актуальный предмет психологического исследования. «Интересующая психологию ее (жизни человека. – Е.В.) сторона условно может быть обозначена как переживание своей жизни данным индивидом. Это переживание отнюдь не синонимично обычному значению слова “переживание” – оно обозначает активный процесс организации, формирования, построения, преодоления “обстоятельств” своей жизни данным индивидом. *Насколько часто в психологии подчеркивается активный целеполагающий характер человеческой деятельности, настолько он совсем не выявлен в отношении собственной жизнедеятельности человека*» (курсив мой.– Е.В.) [1, с. 271].

Тем самым «интересующая психологию» сторона субъектности – рефлексивное отношение – отношение человека не только и не столько к процессу преобразования объективной реальности, сколько к своей человеческой реальности, переживаемой в модальности удовлетворенности – неудовлетворенности. Причем это рефлексивно-активное отношение.

Выделение этого отношения в качестве предмета предполагает особую исследовательскую (теоретическую и эмпирическую) работу. Необходимость такой работы по воссозданию явления субъекта в «жизненном отношении» определяется тем, что натурально, в непосредственном наблюдении (если такое вообще возможно) это явление не дано. Его нельзя обнаружить, выражаясь словами М.К. Мамардашвили, «указав пальцем». Необходимо найти, построить способы, позволяющие выделить из потока человеческой жизни те **отношения** и те **переживания**, которые соответствуют его проявлениям как субъекта. Как отмечает К.А. Абульханова, «на первый взгляд жизнь человека кажется распадающейся на ряд несвязанных друг с другом событий, которые носят случайный характер, не зависят от человека, зачастую складываются помимо его воли и желания» [1, с. 271]. И далее: «Однако если действительно неповторимы каждый раз по-разному складывающиеся обстоятельства жизни, неповторимы люди, с которыми общается человек, то все же могут быть выделены

принципы *организации* (курсив автора – Е.В.) человеком своей жизни. Могут быть выделены типичные для исследования этого процесса параметры такой организации: активность или пассивность, индивидуальность или стандартность и т.д. и, главное, *процесс превращения объективных обстоятельств ситуаций и т.п. в субъективный способ организации жизнедеятельности в целом* (курсив мой – Е.В.)» [там же]. В таком подходе, предполагающем связь субъектности как меры авторства с «параметрами» активности–пассивности, индивидуальности–стандартности, автор продолжает идеи С.Л. Рубинштейна, сформулированные им в работе «Человек и мир».

Конвергенция подхода А.Н. Леонтьева с подходом С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой к пониманию субъективного мира человека становится возможной, если представить отношение человеческой личности и человеческого мира посредством выявления тех культурных медиаторов, которыми оно строится, оформляется.

В отечественной психологии советского периода понятие «субъективная картина жизненного пути» было предложено Б.Г. Ананьевым [2]. Понятие было введено в контексте исследований развития человека в зрелом, пожилом и старческом возрасте, проводимых ленинградскими психологами. Понятие жизненного пути употребляется Б.Г. Ананьевым рядом с понятиями «жизненный цикл», «жизненный курс» и, реже, «онтогенез». Однако имеется четкое разграничение между тем, что определяется как «онтогенез» и тем, что определяется как «жизненный путь»: первое относится к развитию психики, второе – к становлению личности. Также в концепции Б.Г. Ананьева различается развитие человека как субъекта определенных видов деятельности и его развитие как личности. «Несомненно лишь, – пишет Б.Г. Ананьев, – что подготовительные фазы развития личности и субъекта деятельности совпадают. Однако определить основные моменты становления, стабилизации и финиша в развитии личности можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека: гражданскому состоянию, экономическому положению, семейному статусу, совмещению, консолидации или разобщению социальных функций (ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных... обстоятельствах), смене среды развития и коммуникаций, конфликтным ситуациям и решению жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана...» [2, с. 119].

Жизненный путь – это история развития личности в триединстве ее функций как субъекта общения (социализации), субъекта деятельности как субъекта самосознания и саморазвития. Концепция Б.Г. Ананьева – одна из первых комплексных концепций современного человекознания, посвященная и многоаспектной проблеме жизненного пути человека.

Для выявления «субъективного способа организации» человеком своей жизни и определения его обобщенного отношения к ней как предмету своего осознания необходим **соответствующий метод**.

Сегодня для исследования хронотопа субъективной реальности человека имеются специальные психологические техники. К достаточно разработанным методам анализа временной составляющей субъективного мира и отношения к нему можно отнести метод мотивационной индукции Ж. Нюттена [22], апробированный и многократно использованный в исследованиях Н.Н. Толстых [28, 29], метод каузометрии, предложенный Е.И. Головахой и А.А. Кроником [8]. Для изучения психологического пространства личности и его суверенности имеются методические разработки С.К. Нартовой-Бочавер [20], проверенные как в социально-психологических, так и в кросскультурных исследованиях [15, 16, 17].

Мы же в своем исследовании предполагали сосредоточиться на самом **отношении** человека к своей жизни, поэтому, учитывая отмеченные методические разработки и

полученные при их применении результаты, обратились к нарративному подходу [4, 6, 25, 30, 31].

Для поддержки в выборе нарративной техники приведем аргументацию Е.Е. Сапоговой. «Выстраивая автобиографический нарратив, – пишет Е.Е. Сапогова, рассматривая нарратив в контексте культурно-исторической психологии, – субъект в качестве “диегетического повествователя” сам называет, означает и придает смысл конкретным жизненным эпизодам, которые спроецировались в его личности, сам отвечает за “смысловые сгущения”, “средоточия значимости” в точках-фокусах его текста» [25, с. 69]. И далее: «... Момент, который мы считаем существенным для описания процесса автонарратизации, состоит в следующем: каждое ассимилированное в автобиографию событие создает на время своеобразную “когерентную волну”, направленную по векторам “назад” и “вперед”. Она позволяет переосмыслить события прошлого и определить пространство (смыслов, целей, замыслов), в котором какое-то время будет длиться человек. Это пространство «требуется» от субъекта свершения таких новых событий, которые бы внутренне были связаны с упорядоченными предыдущими, лежали бы в их логике, объясняли, подтверждали и оправдывали бы их» [там же, с. 71]. Метафора стоячей когерентной волны нам представляется удачной: во-первых, она согласуется с идеей временной трансдукции, предложенной С.Л. Рубинштейном; во-вторых, позволяет объяснить своего рода реципрокность, когда сочетание противоположных направлений «прошлое – будущее» и «будущее – прошлое» позволяет понять феномен человека как «существа с непредсказуемым прошлым», точнее, с прошлым – каждый раз конструируемым заново; в-третьих, позволяет понять усиление значимости одних событий – как прошедших, так и грядущих – и нивелирование значения других в зависимости от их «координат» в общем хронотопе.

Наше исследование проводилось на сравнении субъективной реальности и отношения к ней респондентов, ведущих, условно говоря, здоровый образ жизни, и респондентов с наркотической и алкогольной зависимостью, проходящих реабилитацию. Особенность ситуации состояла в том, что применение анкет и опросников не позволяет уловить саму «модальность» отношения к себе и к своей жизни («судьбе»). Во-первых, сама структура опросника задает определенную ориентировку, логику и ритм, с которыми респондент вынужден согласиться. Во-вторых, опросники, особенно закрытого типа, не предполагают использование той специфической лексики, которая соответствует реальностям субкультуры и контркультуры делинквентной околोकриминальной среды. По общей направленности наше исследование выполнено в русле той методологии, которая с недавнего времени в работах А.М. Медведева [18], К.В. Мартиросян [19] и М.Е. Сивишкиной [26] определяется как «культурная провокация».

Рассмотрим автобиографический текст 28-летней женщины, написанный для нас в период ее пребывания в центре реабилитации наркозависимых. Текст приведен в сокращенном виде, мы исключили примерно половину. Но и в сокращенном варианте он позволяет составить представление о канве событий и об авторской манере повествования. Текст приводится с сохранением авторской лексики.

«Родилась я в большом загазованном заводами городе ***. Когда мне еще не исполнился год, мы с родителями и страшим братом переехали в Подмоскowie в г. ***. Там начинаются мои первые воспоминания <...> Как я ходила в садик помню плохо, помню как однажды за мной никто не пришел. Оказалось это поручили брату, а он заигравшись с друзьями забыл про меня. В итоге он забрал меня когда уже начало темнеть (это было весной), за что очень сильно выхватил от родителей. В 5 лет я уже умела читать и в это же время папа начал учить меня играть в шахматы. В 6 лет меня отправили в школу. Меня не хотели брать из-за возраста, но все же согласились, сказав что если буду плохо учиться или не

догонять, то начну заново на следующий год. Короче начальную школу я закончила круглой отличницей. После школы училась в муз. школе на скрипке. Параллельно в это время дома часто происходили скандалы у родителей, которые частенько переходили в драки. Отец часто выпивал, а что уж явилось причиной их ссор – не знаю. Мы с братом были предоставлены сами себе. Он делал со мной уроки, брал меня гулять со своими друзьями.

<...>

Когда приехали родители и купили квартиру в другом далёком от бабушки районе, мы переехали туда и мне пришлось поменять среднюю школу. Помню меня это очень злило, тем более что брат остался в той и ездил туда доучиваться. Я не влюбилась в новую школу, одноклассников, которые поначалу приняли меня не очень. Как я сейчас уже осознаю, это просто была школа неблагополучного района, куда мы переехали, и дети которые учатся а не гуляют были у них не в почёте, круто было быть хулиганом и прогульщиком. И я превратилась в таковую к 9 классу. Тогда же я бросила все свои кружки, начала курить сигареты, пить манангу, кашу, алкоголь. После первого в 9-ом классе сданного экзамена я попробовал гашиш, после последнего понюхала героин. Мне было 13 лет. Гуляла я в компании старших меня ребят и девченок. И пыталась не отличаться от них, я пила и курила, гуляла до поздна, за что была часто наказана и однажды укололась, что мне не очень понравилось, потому что меня сильно тошнило. На второй раз все было круто. В 10 – 11 класс я естественно не пошла. Так как родители продолжали ругаться и драться (мало того они тогда уже официально развелись и продолжали жить вместе), я пошла учиться в училище.

<...>

В общем в 17 лет я начала искать работу. Меня никуда не хотели брать, говоря что я несовершеннолетняя. В итоге я устроилась в типографию неофициально. Потом работала официанткой в бильярдном клубе, потом еще где-то, уже не помню. В 19 лет я устроилась на завод холодильного оборудования. В тоже время я уже не жила дома, жила с парнем в соседнем подъезде от родителей. Мы употребляли героин все чаще с ним, с его братом и его мамой. В итоге на заводе я от слесаря доработалась до распределителя работ, получила свой кабинет и однажды утром не пришла на работу потому что ощутила впервые что такое кумар. Родители тогда уже разъехались, отец жил с другой теткой. Брат знал что я влезла с ногами в жир и сообщил об этом маме. Она с руганью, драками и истериками положила меня в больницу и там же меня вшили. Был 2006 год август. Чтобы я не вернулась к этому парню, мама взяла меня с собой в *** в Подмосковье, где ей надо было продать дом оставшийся от родителей. Приехав туда мне стало скучно и через 2 недели я устроилась работать диспетчером в такси. А познав быстрые наркотики я устроилась на вторую работу официанткой в пиццерию. До 2008 года каждые полгода я ездила в *** погостить на недельку-другую. И продолжала встречаться с тем парнем с которым влезла в систему. Летом 2008 года когда я была как обычно в гостях в *** я поняла, что беременна. Из-за того что употребляла героин и разную барбитуру беременность пришлось прервать на 5,5 месяцев, та как плод сформировался неправильно и у него были дефекты не совместимые с жизнью. Это было ужасно, это были роды мертвого ребенка. После этого я сильно изменилась, не могла видеть детей на улице, слышать детский плач и даже когда видела рекламу подгузников по телеку начинала плакать. После этого случая я уехала к маме в Яхрому и престала на время употреблять героин.

<...>

В июне 09 года мы поехали большой компанией на Волгу, я встречалась на все выходные, по приезду от туда я поняла что с опаской предполагала что могу быть беременна, опасалась я того что последнее время употребляла алкоголь, травку, также опасалась что папа

ребёнка был мне даже не парнем, а престо парнем с которым мы периодически спали для здоровья, также предыдущая беременность пугала меня. Но врач меня уговорила не бояться, и сдав все анализы, скрининги и всякое такое я узнала что с ребенком все нормально и решила рожать. С папой ребенка мы решили расписаться, чтобы не было проблем с документами у ребенка. Прожив год в 2010 году я родила здоровую девочку. С мужем и ребёнком мы прожили год у моей мамы, потом переехали к нему. Он работал барменом и его постоянно не было дома, а если и был то спал. Короче я забрала ребенка и ушла от него.

<...>

Как минимум раз в год я лежала в больничке, но выйдя из неё возвращалась обратно от чего убегала. Ссоры с мамой, судимости за распространение, административные штрафы за кражи и встречи с ребенком по выходным. Все эти последние годы моей жизни я не могу вспомнить в хронологическом порядке. Перед приездом на реаб. я работала несколько месяцев на складе чая кладовщиком, забрала ребенка и распространяла героин. Я так устала от такой жизни, что со слезами попросила метрии о помощи. Она позвонила сюда и теперь я здесь, чему очень рада. Рада что уже месяц трезвая и живая. Рада окружающим меня людям и вообще просто рада и благодарна Господу Богу что он привёл меня сюда. Обычные люди».

Заметим, что если в качестве мысленного эксперимента убрать из этой автобиографии наркотическую тему, то это будет обычная автобиография, содержащая как некоторую стереотипную хронологию событий, так и драматические события, связанные с семейными конфликтами и не сложившейся личной жизнью. Если же проделать обратную процедуру возвращения темы, то окажется, что практически все события, начиная с «однажды укололась» корригируются именно ею, именно она и задает фабулу происходящего.

Особенностью приведенного текста, объединяющее его с другими текстами наркозависимых, является подробное описание прошедших событий с указанием точных дат и временных интервалов. И это наряду с признаниями (в основном в опущенных нами фрагментах текста) в «выпадениях» и сумрачными периодами, о которых воспоминания не сохранились. Эту же особенность отмечает в своем исследовании И.Е. Статкевич: «Время событий жизни наркозависимых – это прошлое, о чем свидетельствует как анализ содержания, так и анализ формы (глаголы в прошедшем времени)... Прошлое наркозависимых не просто временной отрезок жизни, а самостоятельно существующая, наполненная исключительными событиями конструкция, непрерывно влияющая на настоящее. Категории “тогда”, “сейчас”, “когда-то” сочетаются в повествовании с указанием точных дат (например, 12 апреля в 13.45)» [27, с. 26].

Хронотоп субъективного мира наркозависимых состоит из трех слабо взаимодействующих миров:

- мир счастливого детства, в котором, по крайней мере, было «все как у людей» и, главное, не содержалось никаких предпосылок и тем более причин «выпадения» в наркотическую реальность;
  - мир наркотического «кайфа» и «кумара», причем, как правило, не имеющий в описаниях сколь-нибудь подробного предметного наполнения – без образов и событий, исключительно поведенческая канва;
- трезвый мир, в котором содержатся реальные события, происходящие как бы по своей причинно-следственной (квазиобъективной) логике.

Если определять границы субъективного мира в терминологии С.К. Нартовой-Бочавер, то можно отметить слабость суверенности: границы этого мира «прозрачны» для проникновения внешних детерминант. Локализация самого этого мира тоже остается

неопределенной, он представляется как своего рода «перекати-поле»: смена мест жительства, работы, партнеров без какой-либо четкой преемственности переживаний. Переходы между отмеченными мирами также определяются случайными внешне детерминированными обстоятельствами.

Временная составляющая хронотопа не претендует на содержательную транспективность: за границами канвы происходящих событий не предполагаются никакие социально-психологические эффекты и последствия, а значит и их учет. Индивидуальная жизнь приобретает в описании респондентов своего рода «алиби» по отношению к тем эффектам, которые они производят в жизни своих близких других людей. При этом редуцированная в содержательном отношении транспективность все-таки проявляется, есть своего рода заикленность и «когерентность стоячей волны» субъективного времени. «Формула жизни такова, – пишет об этом Е.И. Статкевич, – вернуться в прошлое «до наркотиков» невозможно. Жизнь в настоящем связана с наркотиками и осуждается как социумом, так и самими наркозависимыми. Будущее, «нормальная жизнь» без наркотиков, хотя и заманчива, но совершенно нереальна, призрачна» [27, с. 26].

В большинстве случаев тексты наркозависимых респондентов заканчиваются актуальным моментом их написания. Временная перспектива либо вовсе не представлена, либо остается неразработанной.

«Теперь я пишу Вам эти строки, сидя за старым письменным столом (внешний его вид не навеивает положит. эмоций), глядя на иконки и рассуждая о своём существовании. Я не первый и не последний, а всего лишь звено в длинной цепочке других людей»

«... Увезли на реабилитацию, потом привезли сюда для того же. В дальнейшем если вырвусь планирую разобраться дома, пойти на работу. Дальше видно будет».

Для сравнения приведем автобиографию респондентки примерно того же возраста (24 года).

«Родилась я летом 1987 года в г. ***, но правда по бумагам родилась я в г. ***, ибо город был молодой и ему нужна была свежая кровь и новые жители. Мои родители никогда не получали высшего образования, но всегда стремились дать мне лучшую образовательную и развивающую базу – мама пихала меня, куда только можно с целью не только всесторонне развить меня, но и спасти от социопатии, которой она так боялась. Поэтому я с 3 лет ходила на развивающие курсы для дошкольников, где мы изучали, кажется, все что можно – и пение, и какие-то элементарные муз. инструменты (ксилофон, ложки), и английский, и (какой ужас!) теологию.

Детский садик был фееричен, я сразу же обзавелась там подругой, которая до сих пор со мной. Из самого запоминающегося – игра в «Охотников за привидениями», которую мы тщательно организовывали, набрав команду и проработав сценарий.

Единственным упущением моего детства, как мне сейчас кажется, было то, что меня так никогда и не научили кататься на нормальном (двухколесном) велосипеде, от чего я страдаю и сейчас.

Зато с детства у меня сохранилась безумная любовь к книгам, к чтению.

С 6 лет я попала в кабалу – до 7 класса ходила в музыкальную школу, где училась играть на домре (это русский народный инструмент такой, струнно-щипковый) и на фортепиано.

В школу я пошла с уклоном в изучении иностранных языков, поэтому со второго класса мы изучали английский, а с пятого – немецкий. У нас действительно была хорошая школа, не помню никаких разборок, или травли слабых. Типа интеллигенция же.

В общем, у меня были большие трудности с определением того, кем я хочу быть (хотя почему же “были”, до сих пор есть). После окончания 9 класса родители решили, что мне надо идти в технический 10-й класс, откуда я, проучившись там год и поняв всю бессмысленность этой затеи, сбежала в 11 классе, уйдя в гуманитарный класс. Уроки литературы в 11 классе – одно из лучших моих воспоминаний из школы: серебряный век до сих пор несет для меня налет романтизма.

Сначала я хотела быть психологом, а потом переметнулась на сторону лингвистики. Поступила в городской гуманитарный ВУЗ, сдав 1 экзамен (ибо серебряная медаль и “5”). Институт был, конечно, хорошим местом, но сейчас мне кажется, что я слишком много училась и слишком мало развлекалась.

Институт знаменуется еще одной моей прекрасной подругой, которую я внезапно обрела на 4 курсе, хотя до этого мы учились вместе и в школе (правда, в разных классах), и в институте. Не будет преувеличением сказать, что она открыла для меня мир новых возможностей.

Перед пятым курсом я познакомилась со ***, с которым почти сразу начала жить, уехав на 2 года от родителей. Это было для меня своеобразной школой жизни.

После института я еще пару лет попрозябала в родном городе, но чем дальше, тем больше это становилось невыносимым. Большая часть моих друзей разъехались (причем, многие уехали в Москву), а сам город не радовал ни разнообразием, ни возможностями, ни перспективами, ни работой, ни зарплатой. Особенно угнетала одна и та же тусовка, где все друг друга знали.

А однажды мы с *** поехали летом в совместный отпуск на море. Это было как в сказке: полная свобода, солнце, пляж, Кубана, а потом Лиманчик, новые люди, новые лица, куча знакомств и впечатлений.

Наверное, что-то во мне изменилось, а может быть, я просто обрела решимость и, вернувшись, я уволилась и уехала в Москву.

Тут, конечно, свои плюсы и минусы. Работа действительно заглатывает. Но зато тут я могу жить полностью самостоятельно, и это несказанно радует. Правда, мне все время стыдно, что я редко созваниваюсь с родителями, но я все еще надеюсь исправиться.

Насчет будущего я совсем не уверена, у меня нет долгоиграющих планов, разве только научиться кататься на велосипеде и сходить на пару-тройку концертов».

Заметим, что это не циклически замкнутый мир, это мир раскрывающийся, в нем происходят «открытия»: «она (о подруге на 4-м курсе. – *Е.В.*) открыла для меня мир новых возможностей»; «это (совместная жизнь с мужчиной. – *Е.В.*) было для меня своеобразной школой жизни»; «это (поездка на море. – *Е.В.*) было как в сказке: полная свобода...».

В тексте представлены вполне артикулированные субъектные высказывания: «сначала я хотела быть психологом, а потом переметнулась в сторону лингвистики»; «я просто обрела решимость»; «я могу жить полностью самостоятельно».

Примечательна открытость и транспективность представленного хронотопа: прошедшие события переоцениваются ввиду общей логики жизненного пути, им находится место в общей истории и они приобретают в описании выразительность переживания. Отношения с родителями представлены совестливо-оптимистично, по крайней мере, как

открытая возможность дальнейшего развития, а не как необратимая эмансипация и дистанцирование.

Мечты автора не отличаются масштабностью, но они вполне конкретны и реалистичны.

Итог. Проведенные нами пилотажные исследования с применением нарративной техники показали ее разрешающие возможности. Семантика текстов, представленных респондентами, оказалась различной не только по присутствию или отсутствию в них наркотической темы как таковой, но и по общей структуре, выражающей отношение «Человек – Мир». В текстах наркозависимых респондентов представлено расслоение субъективного мира, отсутствует общая «точка кристаллизации», общий мотивационно-смысловой радикал. Отношение к миру как фатально предстоящей данности проявляется в дробной детализации событий и хронологии. Мир предстает в своей раздробленности и мозаичности при общей предзаданности и предопределенности событий.

Обреченность, признание закономерности происходящего распада, цикличность и бесперспективность, нашедшие отражение в текстах автобиографий наркозависимых позволяют соотнести их с некоторыми культурными и субкультурными прототипами. Предрешенность и представление о реальности как о стихии, в которой действуют некие «метасубъектные» (находящиеся за границей субъективного понимания и воли, «сознательной воли») силы, делают тексты этих автобиографий соотносимыми с мифологическими.

Если исходить из положений культурно-исторической психологии [7], то, согласно Л.С. Выготскому, развитие человека при наличии дефекта определяется теми же общими закономерностями, что и в норме: оно предполагает культурное опосредствование в овладении собственным поведением. Человек, согласно Л.С. Выготскому и его последователям, с помощью культурных медиаторов «снаружи» управляет функционированием своего мозга.

«... Функция, заданная извне, – пишет об этом Э.В. Ильенков. – создает (формирует) соответствующий себе орган, необходимую для своего осуществления “морфологию” – именно такие, а не какие-либо другие связи между нейронами, именно такие, а не иные «рисунки» их взаимных прямых и обратных связей... И подвижная “морфология” мозга (точнее коры и ее взаимоотношений с другими отделами) сложится именно такая, какая требуется *внешней* необходимостью, *условиями внешней деятельности человека* (курсив по цитируемому изданию. – *Е.В.*)... Речь идет, конечно, о тех “церебральных структурах”, которые реализуют личностные (специфически человеческие) функции индивида, ... а не о тех морфологически встроенных в тело мозга структурах, которые управляют кровообращением, пищеварением, газообменом, ... работой эндокринной системы и прочими физиологическими процессами, совершающимися внутри тела индивида» [12, с. 336 – 337]. Это положение о функциональных системах, разработанное в отечественной психофизиологии, и переформулированное Э.В. Ильенковым применительно к личностной проблематике представляется нам чрезвычайно важным. Можно добавить к этому известное высказывание Д.Б. Эльконина: «Человек – всегда два человека. Это начинается очень рано, в чем и все дело. Это человек и его *super ego* Фрейд что-то угадал: человек и его совесть и т.п.» [32, с. 511]. А также положение теории С.Л. Рубинштейна [24, с. 171 – 229], согласно которой мыслит не мозг, а человек посредством мозга» и в этом процессе мышления и осознания внешние причины действуют через внутренние условия.

В случае с наркозависимым человеком проблемы «человек – это всегда два человека» и «человек и его мозг» образуют то, что мы, воспользовавшись упомянутой метафорой Е.Е

Сапоговой, можем определить как «стоячую когерентную волну». Человек то обслуживает функционально и организмически закрепленные паттерны, то пытается преодолевать их. Его личностные функции вступают во взаимодействие с церебральными структурами, функционирование которых «повязано» искаженными регулятивными и обменными процессами. Поскольку неравновесными оказываются постоянно «колеблющиеся» состояния личностной рефлексии и состояния «церебральных структур», избавление предполагает уравнивание и того и другого.

Сегодня никто не отрицает необходимость комплексного подхода к лечению наркотической зависимости, объединяющего медицинскую и психологическую реабилитацию. Началом психологической реабилитации может служить нарративный мониторинг, составление нарративного анамнеза. Стоит отметить, что некоторые реабилитационные программы предполагают написание и обсуждение в групповом формате ряда текстов, в том числе: автобиографии (Я-нарратива), истории химической зависимости, описания самого лучшего/худшего дня в жизни и т.п. Но это лишь начало, момент постановки методической и практической задачи поиска и делегирования тех культурных медиаторов, посредством которых человек сможет сделать свой субъективный мир предметом рефлексии и преобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». 1999. – 224 с. (Серия «Психологи отечества»).
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1980. – С. 16 – 178.
3. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. – М.: Издательство Моск. университета, 1986. – 96 с.
4. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. №1 (2). – С. 9 – 31.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
6. Выгинная, Е.А. Нарративный подход: между социальным конструктивизмом и культурно-исторической психологией. Материалы XIV Международных чтений памяти Выготского Л.С., Москва 12–16 ноября 2013. Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 т. Т. I. М.: РГГУ, 2013. – С. 301 – 307.
7. Выготский Л.С. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо. 2005. – 1136 с. (Серия «Библиотека всемирной психологии»).
8. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и дополн. – М.: Смысл, 2008. – 267.
9. Жуланова И.В. Субъектно ориентированное образование в высшей школе: теоретико-методологическое обоснование и опыт проектирования: монография; ФГБОУ ВПО «ВГСПУ». – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 324 с.
10. Жуланова И.В., Медведев А.М. Категория субъекта: философские реминисценции и психолого-педагогические ассоциации (Часть 1) // Интернет-

- журнал «Мир науки» 2015 №4 <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
11. Жуланова И.В., Медведев А.М. Категория субъекта: философские реминисценции и психолого-педагогические ассоциации (Часть 2) // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №4 <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
  12. Ильенков Э.В. В каком пространстве существует личность? // С чего начинается личность / Под общ. Ред. Р.И. Косолапова. – 2-е изд. – М.: Политиздат. – С. 344 – 358.
  13. Лазарев В.С. Проблемы модели психического развития в теории деятельности // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Сборник выступлений. Рига – Москва, 1999. С. 46 - 56.
  14. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251 – 261.
  15. Мартиросян К.В. Типологические варианты хронотопа человека // В мире научных открытий. 2013. №11.4 (47). – С. 266 – 276.
  16. Мартиросян К.В. Особенности хронотопа человека // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии: сборник материалов 6-й международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2015. – С. 130 – 131.
  17. Медведев А.М., Нежнов П.Г. Метод и результаты исследования сформированности содержательного анализа как компонента рефлексивного мышления // Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности / Под. Ред. В.В. Давыдова, В.В. Рубцова. – М.: Психологический институт Российской Академии образования, 1994. – С. 29 – 66.
  18. Медведев А.М. Ранняя юность: самосознание и жизненная перспектива: монография. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – 204 с.
  19. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Наукovedение», Том 7. №2 (январь – февраль 2015) [Электронный ресурс] – М.: Наукovedение, 2015. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (доступ свободный). – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
  20. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб: Питер, 2008. – 400 с.
  21. Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в теоретической картине развития // Педагогика развития: образовательные интересы и их субъекты // Материалы 11-й научно-практической конференции. Красноярск, апрель 2004 г. Доклады на пленарных заседаниях, секциях и дискуссиях. Красноярск 2005. – С. 113 – 127.
  22. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004 – 608 с.

23. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 496 с.
24. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб: Питер, 2002. – 512 с. – (Серия «Мастера психологии»).
25. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической концепции. // Культурно-историческая психология. 2005, №2. – С. 63 – 67.
26. Сивишкина М.Е. Техники культурной провокации в исследовании стереотипов любви и семьи в сознании современных студентов // Сибирский психологический журнал. 2015. №56. – С. 177 – 192.
27. Статкевич И.Е. Жизненные миры наркозависимых // Психологический журнал. 2007. №4 (16) – С. 23 – 27.
28. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: Автореф. дис. д-ра психол. наук. – М., 2010. – 54 с.
29. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск-Москва: Универсум, 2010. – 292 с.
30. Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. Пер. с англ. – М.: Генезис, 2010. – 326 с.
31. Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал, 2009. №2. – С. 18 – 28.
32. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

Vyginnaya Elizaveta Andreevna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: e.vyginnaya@gmail.com

Self-narrative as reflection of attitude to subjective world in representation of socially prosperous and drug addict respondents

Abstract. The article discusses the problem of the methods of scientific investigation of human psychological (subjective) reality. Searching of the methods means address to original relation and contradiction, which represents purely humanity. Proposes the concept of the subject as a way of being human, «focus of reflection». The thesis of the possibility of identifying the personality as the unit of analysis of the «the Man - the World» relation. The correlation of these concepts in the theories of A. Leont`ev, S. Rubinstein, K. Abul`khanova. Presents results of a comparative study of the relation to subjective reality in «conditionally healthy» and chemical addict group of respondents. Basic method of this research is «cultural provocation» technique, which is specified in this paper as writing and analysis Self- narratives. The results of research confirmed capability of narrative technique. Semantics of the respondents` narratives varies by drug addict theme as such and common structure of «the Man - the World» relation.

Keywords: self-narrative; subjective world; drug addict; personality; the subject; cultural provocation; psychological time; chronotope

REFERENCES

1. Abul'khanova K.A. Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noy lichnosti): Izbrannye psikhologicheskie trudy. – M.: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK». 1999. – 224 s. (Seriya «Psikhologi otechestva»).
2. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya // Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2 t. T. 1. – M.: Pedagogika, 1980. – S. 16 – 178.
3. Asmolov A.G. Psikhologiya individual'nosti. Metodologicheskie osnovy razvitiya lichnosti v istoriko-evolyutsionnom protsesse. – M.: Izdatel'stvo Mosk. universiteta, 1986. – 96 s.
4. Bruner Dzh. Zhizn' kak narrativ // Postneklassicheskaya psikhologiya. 2005. №1 (2). – S. 9 – 31.
5. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 200 s.
6. Vyginayaya, E.A. Narrativnyy podkhod: mezhdunarodnyy konstruktivizm i kul'turno-istoricheskoy psikhologiyey. Materialy XIV Mezhdunarodnykh chteniy pamyati Vygotskogo L.S., Moskva 12–16 noyabrya 2013. Pod red. V.T. Kudryavtseva: V 2 t. T. I. M.: RGGU, 2013. – S. 301 – 307.
7. Vygotskiy L.S. Vygotskiy L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka. – M.: Izd-vo Smysl; Izd-vo Eksmo. 2005. – 1136 s. (Seriya «Biblioteka vseмирnoy psikhologii»).
8. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psikhologicheskoe vremya lichnosti. 2-e izd., ispr. i dopoln. – M.: Smysl, 2008. – 267.
9. Zhulanova I.V. Sub"ektno orientirovannoe obrazovanie v vysshey shkole: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie i opyt proektirovaniya: monografiya; FGBOU VPO «VGSPU». – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. – 324 s.
10. Zhulanova I.V., Medvedev A.M. Kategoriya sub"ekta: filosofskie reministsentsii i psikhologo-pedagogicheskie assotsiatsii (Chast' 1) // Internet-zhurnal «Mir nauki» 2015 №4 <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (dostup svobodnyy). Zagl. s ekrana. Yaz. rus., angl.
11. Zhulanova I.V., Medvedev A.M. Kategoriya sub"ekta: filosofskie reministsentsii i psikhologo-pedagogicheskie assotsiatsii (Chast' 2) // Internet-zhurnal «Mir nauki» 2015 №4 <http://mir-nauki.com/PDF/08PSMN415.pdf> (dostup svobodnyy). Zagl. s ekrana. Yaz. rus., angl.
12. Il'enkov E.V. V kakom prostranstve sushchestvuet lichnost'? // S chego nachinaetsya lichnost' / Pod obshch. Red. R.I. Kosolapova. – 2-e izd. – M.: Politizdat. – S. 344 – 358.
13. Lazarev B.C. Problemy modeli psikhicheskogo razvitiya v teorii deyatel'nosti // Pervye chteniya pamyati V.V. Davydova. Sbornik vystupleniy. Riga – Moskva, 1999. S. 46 - 56.
14. Leont'ev A.N. Obraz mira // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2-kh t. t. II. – M.: Pedagogika, 1983. – S. 251 – 261.
15. Martirosyan K.V. Tipologicheskie varianty khronotopa cheloveka // V mire nauchnykh otkrytiy. 2013. №11.4 (47). – S. 266 – 276.

16. Martirosyan K.V. Osobennosti khronotopa cheloveka // *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya pedagogiki i psikhologii: sbornik materialov 6-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Makhachkala, 2015. – S. 130 – 131.
17. Medvedev A.M., Nezhnov P.G. Metod i rezul'taty issledovaniya sformirovannosti soderzhatel'nogo analiza kak komponenta reflektivnogo myshleniya // *Razvitie osnov reflektivnogo myshleniya shkol'nikov v protsesse uchebnoy deyatel'nosti / Pod. Red. V.V. Davydova, V.V. Rubtsova.* – M.: Psikhologicheskii institut Rossiyskoy Akademii obrazovaniya, 1994. – S. 29 – 66.
18. Medvedev A.M. Rannyya yunost': samosoznanie i zhiznennaya perspektiva: monografiya. – Volgograd: Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2008. – 204 s.
19. Medvedev A.M., Martirosyan K.V. Tekhnika kul'turnoy provokatsii v issledovanii sub"ektivnogo khronotopa v polietnicheskikh studencheskikh gruppakh // *Internet-zhurnal «Naukovedenie», Tom 7. №2 (yanvar' – fevral' 2015) [Elektronnyy resurs]* – M.: Naukovedenie, 2015. – Rezhim dostupa: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (dostup svobodnyy). – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus., angl. DOI: 10.15862/07PVN215.
20. Nartova-Bochaver S.K. Chelovek suverenyy: psikhologicheskoe issledovanie sub"ekta v ego bytii. – SPb: Piter, 2008. – 400 s.
21. Nezhnov P.G. Oposredstvovanie i spontannost' v teoreticheskoy kartine razvitiya // *Pedagogika razvitiya: obrazovatel'nye interesy i ikh sub"ekty // Materialy 11-y nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnoyarsk, aprel' 2004 g. Doklady na plenarnykh zasedaniyakh, sektsiyakh i diskussiyakh. Krasnoyarsk 2005.* – S. 113 – 127.
22. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego / Pod red. D.A. Leont'eva. – M.: Smysl, 2004 – 608 s.
23. Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G. Teoreticheskaya psikhologiya: Ucheb. posobie dlya stud. psikhol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 496 s.
24. Rubinshteyn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. – SPb: Piter, 2002. – 512 s. – (Seriya «Mastera psikhologii»).
25. Sapogova E.E. Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoy kontseptsii. // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2005, №2.* – S. 63 – 67.
26. Sivishkina M.E. Tekhniki kul'turnoy provokatsii v issledovanii stereotipov lyubvi i sem'i v soznanii sovremennykh studentov // *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal. 2015. №56.* – S. 177 – 192.
27. Statkevich I.E. Zhiznennyye miry narkozavisimykh // *Psikhologicheskii zhurnal. 2007. №4 (16)* – S. 23 – 27.
28. Tolstykh N.N. Razvitie vremennoy perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskii podkhod: Avtoref. dis. d-ra psikhol. nauk. – M., 2010. – 54 s.
29. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez. – Smolensk-Moskva: Universum, 2010. – 292 s.
30. Uayt M. Karty narrativnoy praktiki: Vvedenie v narrativnuyu terapiyu. Per. s angl. – M.: Genezis, 2010. – 326 s.
31. Ulanovskiy A.M. Kachestvennye issledovaniya: podkhody, strategii, metody // *Psikhologicheskii zhurnal, 2009. №2.* – S. 18 – 28.
32. El'konin D.B. Izbrannyye psikhologicheskie trudy. – M.: Pedagogika, 1989. – 560 s.